

ТРИ ЧАСА С ТАРКОВСКИМ

ПЕРИПЕТИИ

Собственно говоря, все мое общение с Андреем Арсеньевичем заняло три или четыре часа в жизни и связано оно с картиной «Одиноким голос человека» - первой нашей совместной работой с Александром Сокуровым. И для того, чтобы как-то обрисовать свои впечатления от общения с Андреем Арсеньевичем мне придется коснуться истории создания этой картины. Надеюсь, что о ней я буду говорить все-таки меньше, а об Андрее Арсеньевиче - больше.

Так получилось, что я стал свидетелем встречи двух легенд или двух мифов, одного зарождавшегося, а другого вполне состоявшегося. Под словом «миф» я подразумеваю не ложь, а некие общественные настроения и мнения вокруг конкретного человека. Один миф - Андрей Арсеньевич, и в 1979 году, когда состоялась встреча, этот миф вступал в свою заключительную фазу, а другой миф - Александр Николаевич Сокуров еще находился в эмбриональном состоянии, но вел себя достаточно дерзко. Поводом к этой встрече стала студенческая работа, для которой я написал сценарий: экранизация двух произведений Платонова - повести «Происхождение мастера» (это был кусочек из неопубликованного романа «Чевенгур») и «Река Потудань» - рассказ 1937 года, в котором отразились не только поэтика Андрея Платонова, но и какие-то сугубо личные воспоминания о встрече со своей любимой и единственной женой.

В качестве небольшой сноски должен заметить: то, что я увидел в рукописи Платонова во время работы над сценарием, меня удивило. Эту рукопись показала нам с Сокуровым вдова писателя, вытащив из деревянного чемодана, который стоял, кажется, под кроватью небольшой московской квартиры на Малой Грузинской. Я всегда думал, что язык поэта есть некое спонтанное выражение его души. В рукописи Платонова, которую я видел, была записана поначалу некая речь, скорее информативная и лишенная каких-либо интонаций. А вот потом начиналась работа со словом - информативность вычеркивалась, а поверх нее вставлялось то, что собственно и называется «платоновским языком». В какой-то мере я понял, что «платоновский язык» искусственно сделан, но эти слова надо

понимать не в укор Платонову. Когда художник заранее очерчивает свои границы, он во многом начинает как бы делать самого себя, работать не только спонтанно, но и логически. Наблюдать за этим процессом по рукописям Платонова было достаточно интересно.

«Одиноким голос человека» снимался полуподпольно, потому что с институтом была договоренность о короткометражной документальной картине, в которой будет интервью с вдовой - Марией Александровной Платоновой. А у Александра Николаевича Сокурова уже был в голове план, что из тех двадцати страниц сценария, которые я написал, он снимет большую картину. Саша уехал в Горький, где он до ВГИКа оканчивал исторический факультет Университета и привез оттуда осенью 1978 года двухчасовую картину,- «кривую», странную, немного претенциозную и страшно талантливую - все эти качества просто били через край. ...Смотреть ее было трудно, и этот труд принимался многими за скуку. Не знаю, досмотрел ли его мастер Александр Михайлович Згуриди этот фильм до конца.... Чувствуя, что первые просмотры вызывают ощущение затянувшейся паузы,, Саша сократил эту картину примерно на 15 минут. Но все равно, никто не знал, что со всем этим делать.

Александр Николаевич уже тогда, во ВГИКе был активным «протестантом» и как-то все негласно договорились, что раз у него уже есть одно высшее образование - учить его следует не пять лет, а четыре года. Поскорее выставить и пусть уходит... «Одиноким голос человека» мог как раз оказаться дипломной картиной. Но тогдашний ректор ВГИКа Виталий Николаевич Ждан сказал, это эта картина – пропаганда русской идеалистической философии и потому не может быть принята в качестве диплома. Мы, естественно, почувствовали себя так, словно получили медаль за оборону Сталинграда. Пропаганда русской идеалистической философии (которую мы тогда не знали...) Круто! Но это было только начало. Вскоре наши медали потускнели и стали напоминать обыкновенные медяки на ленточке. Последовал негласный приказ смыть картину. Почему и для чего,- не ясно. Может быть, институту требовалась пустая пленка без эмульсии... . Тот, кто сумел досмотреть эту картину до конца, удивился бы, потому что не понял, чего там пугаться,- антисоветских высказываний не наблюдалось. Правда, интонация... Она была не совсем « наша». «Параллельное кино» братьев Алейниковых находилось в эмбриональной фазе, но уже был Тарковский,

Хамдамов, Параджанов (последний, правда, сидел в тюрьме.) Несмотря на «кино наоборот» а, может быть, благодаря ему, в «Одиноким голосе» чувствовалась сокрушительная искренность проповедников, которые, неожиданно для себя, попали в бандитский вертеп, но не сразу в этом разобрались. В институте картину защищали преподаватель русской литературы Ливия Звонникова, и что совсем странно,- партбюро ВГИКа. Последнее, правда, делало это, скорее, пассивно. Когда сейчас мечтают о разделении властей, то я всегда вспоминаю это партбюро брежневского времени, которое отказалось присоединиться к травле со стороны администрации. И спрашиваю себя, когда было больше демократии и разделения властей: в «вегетарианский период» советской власти или сейчас? Ответ очевиден и крайне печален для нынешнего времени... Тем не менее, мы начали предпринимать усилия, чтобы найти рецензента для диплома или авторитетную в кино фигуру, которая бы картину полностью защитила.

Первый вариант - показать картину Сергею Аполлинариевичу Герасимову. Я его называл про себя «человек – лампочка». Когда он шел по коридору ВГИКа, то институт освещался. Его лысина аккумулировала на себе все потоки света, и физического, и inferнального, блестела, кипела, мигала, показывая дорогу нам, прыщавым авангардистам, к высотам реалистического советского кинематографа. Он посмотрел, помнится, ровно 20 минут и быстрым шагом, что-то напевая себе под нос и сложив руки за спину, стремительно ушел из зала. После чего нам доложили мнение Сергея Аполлинариевича: «Есть у нас студенты, которые слишком много думают о смерти, и совсем не думают о жизни. По-моему это – тот самый случай». Гробовая доска. Склеп имени Герасимова. Кровь похолодела в жилах, как у Гоголя, которого живого заколотили в гроб.

Добиваемся встречи с «другим Сергеем» - Сергеем Федоровичем Бондарчуком. Это оказалось значительно сложнее, потому что он тогда, кажется, снимал «Красные колокола» - пространную во всех смыслах картину, и в институте бывал редко. Мы связывались с ним через помрежа, и нам сказали, что «Сергей Федорович очень сильно устал, и ваш фильм может оказаться той самой последней каплей, которая переполнит громокипящий кубок и все это прольется через край.». Куда? На наши головы, куда же еще.

Кто заступится за фильм? А кто у нас тогда был в кино? Конечно же, Андрей Арсеньевич Тарковский! ...Хотя, был Иоселиани, но находился в далекой Грузии, был Глеб Панфилов, был Андрей Кончаловский... Однако харизма Андрея Арсеньевича затмевала их всех. Тарковский мог уже тягаться авторитетом с Толстым или с каким-нибудь Джойсом, последнего, я, правда, знал лишь понаслышке. И не думал, что когда-то живьем увижу того, о ком грезило все наше поколение зеленых киноманов. . Не помню даже, сколько раз я смотрел «Андрея Рублева» и «Зеркало» - бесконечное количество, раз 15 или 20, как можно было после этого остаться вменяемым человеком? На самом деле, это было добровольной пыткой. Я прогуливал школу, ехал в кинотеатр «Мир» в тридцатиградусный мороз, где «Андрей Рублев» шел, наверное, месяца полтора, и смотрел в заполненной зале картину до новеллы «Праздник». Как только голые девушки-язычницы, снятые со спины, переставали бегать по экрану, - зал дружно вставал и уходил, а я досматривал в одиночестве все то, что режиссер опрометчиво поместил в фильме после этого эпизода. И если сейчас «...Рублев» стал слегка дидактичным, то «Зеркало» по-прежнему ошеломляет.

В общем, Тарковский был для меня почти иконой, а для Александра Николаевича Сокурова - нет, он, на мой взгляд, тогда знал кино, скорее, выборочно и Тарковским не слишком интересовался. Приходится слышать обвинения в том, что в фильме «Одиноким голос человека» есть планы, почерпнутые из «Зеркала». Насколько я помню, Сокуров в то время этого фильма не видел. И его отношение к творчеству Тарковского было почти равнодушным, что странно, потому что я видел, насколько эти люди эстетически близки друг к другу. Может быть, сказывалось напускное равнодушие нижегородца перед московской богемой, к которой, как нам казалось, Тарковский принадлежал.

ВСТРЕЧА

Встречу с Тарковским устроили, кажется, Полина Лобачевская, ассистентка мастерской Хуциева, и Паола Волкова, преподававшая тогда во ВГИКе историю изобразительного искусства. Обе были связаны с Высшими режиссерскими курсами, где Тарковский иногда читал лекции. В январе 1979 года он оканчивал один из вариантов

чернового монтажа «Сталкера», этот вариант был на несколько частей длиннее окончательного. С улицы Будаевой, где тогда находилось вгиковское общежитие, мы отправились на «Мосфильм» с тремя неподъемными яуфами... Какие счастливые сейчас кинематографисты – берешь ничего не весящий пластмассовый диск, заряжаешь его в дешевый китайский проигрыватель и имеешь то, что китайский проигрыватель может показать... Зато все легко, приятно, культурно. А здесь - три яуфа,- это тяжелые железные бочки с ржавой ручкой, январь, мороз... На Мосфильм с таким грузом нужно ехать только на такси... Мы хватаем какого-то левака, загружаем, надрываясь, свои коробки и везем картину с настроением псов-рыцарей, которых вскоре искупает Александр Невский в ледяной проруби. Мы - лузеры, лишенцы, неудачники. Нам светит лишь редакция на киностудии Министерства угольной промышленности (была такая) и не более... Лично мне всю дорогу казалось, что Андрей Арсеньевич нас просто выгонит после первой части платоновского эпоса. Но ладно... Как-то доехали, оформились, выгрузились, Саша отправил меня к киномеханикам проследить, чтобы все зарядилось и показалось. Он, по-моему, очень волновался, хотя волноваться должен был я, потому что Тарковского любил уже давно, пусть и безответно, и его гнев мог пошатнуть мою картину мира.. Зарядились. Уселись. Ждем. А он все не идет и не идет.

Я в то время слышал, что Тарковский - пижон, поэтому представлялось, что если он перед нами появится, то это будут обязательно - высокие сапоги, купленные в валютном магазине «Березка», джинсы «супер райфл», понтовый свитерок, а может даже шарф через плечо. В чем появлялись в то время многие представители его поколения, в частности, Евгений Евтушенко. И тут вдруг входит в зал бедно одетый, замызганный парень неопределенного возраста, с очень хорошей лепкой лица, в очках, которые у него болтались на железной цепочке, как тогда носили... «А, это вы, ребята, ну, ладно, давайте...». В руках у него был целлофановый пакет, из которого он доставал корки черного хлеба и щелкал ими, как семечками. Свитер черный, крупной вязки. В общем, - гений, что тут скажешь... Мы сидим сзади у пульта, через который осуществляется связь с механиками, Александр Николаевич - закрыв голову руками, потому что смотреть собственную картину в сотый раз невыносимо. Я думаю только о том, что хорошо бы дело дошло до

восьмой части фильма, там - сцена на рынке, здорово снятая Сергеем Юризицким, где «альтернативное кино» уже совпадает с чем-то большим и представляет из себя «змеиное яйцо», из которого должны вылупиться следующие фильмы.

После седьмой части просмотр вдруг прекращается – технический сбой. Сокуров кладет голову на руки и превращается за своим пультом в согбенного старика. Я знаю, что сейчас будет – Тарковский скажет «Ребята, спасибо. Все, я пошел». «Умному достаточно», как говорили древние. Нет, он оборачивается, спрашивает «А дальше? Или это все?». Я говорю, - Андрей Арсеньевич, сейчас, сейчас, все будет, - при этом краем глаза вижу, что Александр Николаевич пригвожден к своему креслу чувством вины или беды... Я бегу к двери, которая ведет к механикам, чтобы выяснить, когда продолжится просмотр и что для этого нужно сделать... И чувствую, что я не могу открыть эту проклятую дверь.

Наступает кошмарный сон - лучшие куски «Одинокого голоса» показаны быть не могут, с механиком непонятно, то ли он есть, то ли умер или к любовнице ушел, а я не могу дверь открыть. В конце концов, я эту дверь вышибаю плечом, спотыкаясь, добегаю до механика, - он клеит ракорд от начала восьмой части. Все это время смотрю в окошко, прорубленное в кинозал, – вот сейчас Тарковский уйдет... Но нет, не уходит. Запускаем пленку, возвращаюсь триумфатором - теперь-то уже точно не уйдет! Докручиваем последние части, свет зажигается, Андрей Арсеньевич говорит: «Ну, что ребята, пошли со мной...»

Я тайком бью Сокурова локтем в бок – все, фортуна нам улыбнулась, и гений к нам снизошел. Поднимаемся в монтажную. Там стоит большое кресло из «Соляриса», которое я сразу же узнаю. Конечно же, понтовое как сейчас говорят, кресло - для мастера, мы сели же на скромные стульчики, и Андрей Арсеньевич начал говорить.

Сначала я слушал то, что он говорит. А потом начал обращать внимание на его мимику, на физиологию, на привычки. Например, эти кусочки черствого хлеба, которые он щелкал, как семечки...Выяснилось, что это была популярная тогда терапия. Тарковский недавно перенес инфаркт, а кто-то сказал ему, что сердце укрепляют подсушенные корочки черного хлеба. Он время от времени предлагал их нам, но, поскольку у нас не было инфаркта, мы

отказывались, приберегая это средство на последующую жизнь... Руки у него были совершенно потрясающие, свитер время от времени задирался, и видно было, что это руки чрезвычайно сильного в физическом смысле человека, с выступающими венами, руки столяра, мастерового, копальщика.. Больше таких рук я не видел ни у кого из режиссеров. Уши хорошей, правильной формы. Он все время обкусывал ногти и кадровал пространство двумя пальцами - такой у него был жест... В общем, смесь величия и гротеска. Не знаю, чего там было больше, и меня это очень развеселило.

И чем больше он говорил, тем больше я ощущал, что между этими двумя людьми – Александром Николаевичем и Андреем Арсеньевичем начинает существовать какая-то сверхтонкая психологическая связь. А между мной и Андреем Арсеньевичем – никакой. Меня он в упор не видел. И, наверное, правильно, поскольку это был 79 год. Тогда то, что происходит со мной, включая и эту встречу, мне казалось игрой случая. Точнее, я отказывался в ней видеть судьбу, поскольку всегда был врагом пафоса и предопределений. До ВГИКа меня сильно шатало. В школе учился плохо, с трудом получив аттестат и характеристику с пророческими словами,- «человек очень средних способностей, к учебе не способен.» Тогда писались такие характеристики, наподобие «волчьего билета», не знаю, как сейчас... Меня это сильно развлекло, поскольку с высот интеллигентности я сразу же скатывался в пролетариат, а это – самый прогрессивный класс, который к учебе не способен... Все дальнейшее подтвердило мнение моего классного руководителя. Во ВГИК я проваливался дважды и работал на студии им. М. Горького механиком звукозаписи. Работа хорошая, начинал с семидесяти рублей в месяц, а закончил, получая аж 86... И вдруг поступил во ВГИК. получив на экзаменах пять пятерок и только две четверки... Странно. Опять случай. Начал учиться, не думая, что стану профессиональным сценаристом. Отучусь, получу диплом, а дальше - что Бог даст... Александр Николаевич же был человеком «с судьбой» уже тогда, и это Тарковский сразу почувствовал.

Главное, что сказал нам Андрей Арсеньевич про «Одинокий голос»: «Ребята, это настоящая шуба, это настоящая овчина, только пуговицы прикручены проволокой». Тут Александр Николаевич слегка обиделся, спросив: «А что вы, собственно, имеете в виду»? Андрей Арсеньевич ответил: « Ну, монтировать-то вы не умеете», на что

Александр Николаевич сказал, как отрубил: «Андрей Арсеньевич, говорите о чем угодно, но только не о монтаже».

Тут я думаю – все, амба! Навоевались. Вот сейчас он нам на дверь и укажет. А он как-то пристально посмотрел на Сокурова, куснул ногти и говорит: «Да, ну хорошо, не будем». После чего разбирает картину в течение трех с чем-то часов. Вначале он еще по мне прохаживался, что дескать, сценарий не полностью передает тонкость прозы Платонова. Потом сказал об операторе: «А кто снимал?... Талантливый парень» Сергей Юризицкий был действительно талантлив, но снимал иногда не в фокусе, забыв главный завет оператора Головни: «Дэточки, снимайте резко!» Потом из-за этой «нерезкости» были проблемы с исходниками и печатью копий. И даже цифра на DVD не полностью исправила ситуацию. Но это - к слову. Тарковский по картине прохаживался, то есть, местами критиковал, но... Настолько уважительно, что я это на всю жизнь запомнил. И запомнил, что нужно быть открытым людям, кто бы к тебе не приходил. На десять графоманов будет один способный, и этого способного нельзя пропустить.. Конечно, о нас ему сказали и Лобачевская, и Волкова, мы не были мальчиками со стороны. Тем не менее - абсолютная открытость и равнодушие к дерзостям, которые мы время от времени подпускали. После этой встречи у них с Александром Николаевичем завязались крайне дружеские отношения, которые привели к тому, что в кругах московского бомонда стали считать, что Александр Николаевич - преемник Тарковского, что мастер, «в гроб сходя, благословил...» Мы, шутя, не догадывались, насколько уже близок был этот гроб и насколько после этого гроба мы станем одиноки...

Но быть рецензентом фильма Тарковский отказался. Он воскликнул: «Ребята, какая защита?... Это же тот самый случай, когда один Сергей подаст другому Сергею пальто во вгиковском гардеробе..» Эта кодовая фраза значила, что против нас объединятся Бондарчук и Герасимов, которые «ненавидели» друг-друга, как это обычно бывает в кино, но обязательно помирились бы на руинах нашего «Одинокого голоса». О себе в этом контексте Тарковский сказал так: «Если я войду во ВГИК для вашей защиты, то ректорат спустит на меня овчарок.» В тот момент мне показалось, что он преувеличивает и слегка блефует.

Что еще было любопытного на протяжении этих трех часов?.. В какой-то момент вошел звукооператор, которому Тарковский стал объяснять по поводу звука на вступительных титрах «Сталкера». «Вот, ты понимаешь... Звук должен быть похож на пустую белую комнату, в которую вдруг залетает большая белая птица... Кто еще в комнате кроме нее? Ну, положим, Биби Андерсен...» Тут он хитро посмотрел на нас и заметил: «Ну вы, конечно, не знаете такой... Вы ведь из ВГИКа!...» Звукооператор покорно кивал, внешне соглашаясь, а потом наложил на титры звук пилы... И никакого намека на Биби Андерсен. Так вот делается большое кино, в котором работают гении.

Сейчас, когда я думаю о той далекой встрече, я понимаю, что Тарковский был человеком распятым. Он прекрасно понимал свое значение не только для советского, но и для мирового кинематографа. И это знание его разрывало, так как никаким образом не конвертировалось в материальные блага.. От этого в нем была какая-то большая внутренняя неуверенность и уязвленность, они меня настораживали.. Я принадлежал к поколению, для которого были нормой рваные джинсы, расстроенная гитара, знание трех аккордов и абсолютная самоирония. Это была среда людей, для которых серьезное отношение к себе есть величайший грех. Правда, ко всему остальному мы относились так же... Со смехом. В Тарковском я видел противоположное. Он знал, что такое война, знал годы сталинского лихолетья, это был человек абсолютно другого склада . У него было чувство мессианства, он был призван навести между советским человеком и отмененным Богом шаткий мостик. Когда смотришь его картины, понимаешь, что это человек со сверхзадачей. Бог для него – не только мистический объект. Это- единение культур, западной и восточной, слияние всех видов христианства в единый исторический поток. Финальный кадр «Ностальгии» говорит об этом громче всяких слов. Кроме того, Бог есть напряженная внутренняя жизнь, с помощью которой можно двигать если не горами, то стаканами,- последняя сцена «Сталкера» об этом.

Тарковский, насколько я понял, ругал всех сценаристов, включая братьев Стругацких, за лень и неподвижность. Сценаристы представлялись ему людьми, которые стоят первыми в очереди за зарплатой, что, отчасти, верно. Хотя те же Стругацкие переписывали принятый сценарий «Сталкера » в угоду мастеру и излопатили свою

прозу так, что ее никто бы не узнал за исключением Тарковского. Чужие жертвы Андрей Арсеньевич, кажется, не видел и не понимал.

Понимал ли он актерскую сверхзадачу и другие «профессиональные примочки» режиссуры? Я одно время довольно тесно общался с Александром Кайдановским и даже впихнул его мастером на свою кафедру, которой заведовал. И как-то спросил его: «Что ты вообще в «Сталкере» играл? У тебя была ли какая-то внятная актерская задача?» Он мне: «Если б я знал... Прихожу на съемочную площадку и спрашиваю, - Андрей Арсеньевич, что мне играть в этом куске? Он: «Слушай, не до тебя сейчас, иди, читай Евангелие». По Евангелию и играл.». А точнее, он играл князя Мышкина, которого вдруг занесло в зону неназванной страны.

Наша встреча с Тарковским окончилась тем, что Андрей Арсеньевич помог поднести яуфы с картиной до такси, которое он сам вызвал, чем добил нас с Сокуровым окончательно.

Защита с «Одиноким голосом» не состоялась, но крыло ангела-хранителя простерлось дальше: по протекции Андрея Арсеньевича Сокуров получил распределение на «Ленфильм», где началась основная глава его профессиональной жизни, которая длится до сих пор.

А дальше началась какая-то муть... «Сталкер» изменил судьбу Тарковского, вышел на экраны страны в качестве «научно-фантастического фильма», и тогдашний глава ГОСКИНО Ермаш неожиданно Андрея Арсеньевича возлюбил, как самого себя. Тарковскому дали карт-бланш на съемки «Идиота», предположительно с Кайдановским и Тереховой в главных ролях. Все было по пословице «вода камень точит». Но обида за голодные годы зачеркнула этот проект, который Тарковский долгое время пробивал и отказался от него, как только фильм стал возможным и желаемым для руководства. В тот момент внутри него были запущены какие-то психологические механизмы, которые погнало за рубеж. Мы с Александром Николаевичем понимали, что человек уедет, и мы лишимся покровителя. Тогда начинался проект с Тонино Гуэрром, и Андрей Арсеньевич вырвался из страны как пробка из бутылки. Для нас он умер еще в 80-м году, хотя у Тарковского с Сокуровым была личная переписка, кажется, до самой смерти А. Т.

Картину, которую мы ему показывали все-таки «смыли», во всяком случае, было принято такое решение. Но негатив фильма был подменен на контратип «Броненосца Потемкина», он и пошел «под нож». Сокуров защищался документальным фильмом «Лето Марии Войновой», а «Одиноким голос человека» лежал под кроватью в его восьмиметровой комнате в коммуналке в Питере. Переписка с Тарковским дала предсказуемый результат,- Александром Николаевичем сильно заинтересовались «компетентные органы» и много крови ему испортили. Но это – отдельная история, которая должна быть подробно рассказана не мной. Самое смешное, что это было в канун перестройки, в воздухе уже висела анархия, которую многие приняли за свободу. А тут – ночные приезды и вынимание мозгов.... Были обыски монтажной, когда Сокуров совместно с Семеном Арановичем делал документальную картину о Шостаковиче. Когда пришла перестройка, мы решили с Сашей сделать обо всем этом картину. Очень жалею, что проект не состоялся. Тогда было для него самое время,- с 1887 по 1989-й – целых три года в стране отсутствовала цензура и было государственное финансирование в широких масштабах. Кроме того, работала система проката, при котором элитарно-наивный «Господин оформитель» оказался вторым по сборам на «Ленфильме» за год, выдержав конкуренцию с программной для того времени «Маленькой Верой». Тогда из прокатчиков никто не жаловался, что «не смотрят русские фильмы», их просто показывали, вот и все. А Андрей Арсеньевич возьми да умри...

Сокуров заболел, причем, заболел настолько тяжело в психологическом смысле, будто бы у него умер отец . У нас тогда были достаточно тесные отношения, я был легок на подъем, тотчас приехал в Питер. Жил у него, спал на полу в этой комнатке, раскачивал и веселил, пытаюсь отвлечь от мрачных мыслей. Эта смерть подвела черту под начальным этапом творчества и оформила, если можно так выразить, мир Александра Николаевича эстетически и философски. Начиналась пора камерных минималистских картин плана «Круг второй», «Камень» и других. Сейчас киноманы без ума от Белы Тара, но я замечу, что мы делали подобные картины, лишённые внешнего действия, лет на десять раньше его. Хотя Тар хорош, благороден и безумен, ничего против него я сказать не могу.

Влияние на нас Тарковского переоценить невозможно. Хотелось бы мне сойтись с ним поближе? Определенно нет. Мы были в абсолютно разных фазах развития и разговор на равных был исключен. Сейчас он считается гением, но я помню маленький эпизод на премьере «Зеркала» в центральном Доме кино.

Зажегся свет после дневного просмотра. Я прилип к креслу и был абсолютно раздавлен величию фильма. Не хлопали, зрители как-то молчаливо встали, в проход вышла какая-то ухоженная женщина средних лет и неожиданно стала кричать: «Это сумасшедший! И он заражает нас сумасшествием». Вокруг нее образовалась большая толпа продвинутых кинематографистов, которые кивали головами и говорили «Да, да, да». Фильму дали третью категорию, что значит: провал художественный и идейный.

Сейчас «Зеркало» входит в десятку лучших фильмов всех времен и народов по версии журнала «Сайт энд Саунд.»